

рее, когда бывает нужда.

Один из этих дельцов, о которых мы говорим, был пойман в Тулузе. Я не знаю только, был ли он одним из самых ловких, и даже склонен думать, что нет, ибо он попался и, что гораздо хуже, был повешен. Впрочем, повадится кувшин по воду ходить, тут ему и голову сломить. Как бы то ни было, но, сидя в тюрьме, он в надежде на помилование выдал товарищей и начал откровенно рассказывать обо всех случаях своей обширной практики. Вот один случай.

Однажды ватага стригунов в десять или двенадцать человек, находясь в упомянутом городе в базарный день на Пейрской площади,²⁶² заметила священника, который получил за проданное зерно (известно какое) чистоганом сорок – пятьдесят франков и положил эти деньги в сумочку, висевшую у него за поясом (разумеется, он носил ее на голове). Повесы этому весьма обрадовались, ибо надеялись поживиться от него не менее чем одним денье. Ради этой благой цели они начали подбираться друг к другу поближе, чтобы действовать сообща, а иначе им ничего не удалось бы, и принялись теснить его изо всех сил. Но священник, дрожавший за свой кошелек, как нищий за суму, очутившись в давке, старался не выпускать его из рук. Он боялся, что его обокрадут, и думал, что все окружавшие его люди – стригуны кошельков и сумок. Тем временем повесы, чтобы отрезать его сумку, теснили, поворачивали и водили его по толпе, делая вид, что пробивают себе дорогу. Но сколько они его ни кружили, он крепко держал свою выручку в руке. Это их сильно раззадорило и удивило: какой-то поп доставляет им столько хлопот! Сам рассказчик, отвечая на вопросы судьи, говорил, что за всю свою практику ему не приходилось встречать человека, который держался бы за свой кошелек более упорно и цепко, чем этот поп. Но они поклялись, что кошелек будет принадлежать им. И что же они сделали, кружа его таким образом по толпе? А вот что. Они подвели его к большой груде деревянных башмаков, или сабо, которые делаются для большей красоты с заостренными носками (как видите, и деревянные башмаки могут быть красивыми), а затем один из стригунов толкнул ногою один башмак и больно ударил им священника в колено. Почувствовав сильную боль, священник не мог не схватиться рукою за ногу, ибо сильная боль заставляет забывать обо всем, и не успел он выпустить свою сумку из рук, как этот ловкий стригун уже подхватил ее. Несмотря на сильную боль, священник все-таки хотел ухватиться за свою драгоценность, но поймал одну лишь подвязку. Он завопил от этого сильнее, чем от боли в ноге, но его сумка шла уже через третьи-четвертые руки, ибо в подобных случаях они действуют удивительно ловко. Таким образом, бедный священник был вынужден уйти с плохой выручкой: с ушибом в ноге, с потерей кошелька и денег. Есть такие совестливые люди, которые считают продажу церковного добра грехом, но я ничего об этом не говорю и перехожу теперь к другому рассказу.

Новелла LXXXII

О разбойнике Камбере и о его ответе на парламентском суде

В окрестностях Тулузы скрывался один знаменитый разбойник, известный под именем Камбера. Когда-то он состоял на королевской службе в звании капитана пехоты и слыл одним из самых смелых и доблестных офицеров, но по окончании войны он вместе с другими ветеранами был отставлен, и в отместку за это, а также и под давлением нужды стал заниматься разбоями в горах и окрестностях города. В своей новой профессии он достиг таких успехов, что сделался самым знаменитым из всех своих соратников. Но парламентский суд так усердно ловил его, что в конце концов он был пойман и посажен в тюрьму.

В тюрьме он сидел лишь до того времени, пока суд не разобрал его дела и не вынес ему приговора. Так как все задуманные и учиненные им преступления были весьма велики, то суд после короткого рассмотрения его дела вынес ему смертный приговор. Однако несмотря на то, что свидетельскими показаниями он был изобличен в громадном числе всяких злодеяний, из коих самое меньшее стоило бы иному человеку головы, суд поступил с ним мягче, нежели это было там принято. (Есть поговорка: строгость Тулузы, гуманность Бордо, милосердие Руана, справедливость Парижа, окровавленный бык, блеющий баран и гниющая свинья – все это никуда не годится, если плохо сварено.) Он отнесся к Камберу с некоторым уважением и хотел это показать, прежде чем

---

²⁶² Пейрская площадь – рыночная площадь в Тулузе (ныне площадь Пейрад).